

гость страницы

Ролан Быков:

ском кино как о кино специфически педагогичном, я вздрагиваю и начинаю думать, а являются ли «педагогичными» Достоевский, Толстой, Лермонтов, Байрон... Воспитательная роль искусства огромна, но оно воспитывает только в том случае, если остается искусством. Оно воспитывает, познавая и отражая действительность, выявляя правду жизни. Вот о чем надо прежде всего думать нам, тем, кто связан с искусством для детей. Притом, не надо полагать, что под правдой жизни следует понимать только некое воспроизведение на экране жизнеподобных ситуаций. Сказка, например, ничего общего с реальной жизнью не имеющая, тем не менее, выявляет эту самую правду лучше многих сугубо правдоподобных произведений. Я вообще сторонник как можно более широкого использования в искусстве живущих тысячелетиями традиций и приемов фольклора. Ведь что такое сказка с ее чудесами, нелепими и абсурдными на взгляд «здравомыслящего» человека ситуациями и положениями? Это же могучий бунт против фактов, против приятия действительности такой, какой она нам дана. Вот не дано человеку крыльев, и значит, не полетел на самом деле. Теперь уже и в космос проникли. А что было бы, если б смирились с действительностью? Так что фантазия очень нужна, особенно теперь, в эпоху НТР.

— Вы заговорили о научно-

технической революции. Она, бесспорно, оказывает влияние на все стороны человеческих взаимоотношений, в том числе и на воспитание. Хотелось бы узнать ваше мнение по поводу такой распространенной точки зрения, как то, что сейчас как-то по-особому конфликтно складываются отношения между старшим и младшим поколениями...

— Берно. Существует такой конфликт. Только неправильно считать, что он проявился лишь в наше время. Это — совершенно закономерный конфликт. Он существовал всегда. И будет существовать вечно. На том мир стоит. Ведь жизнь-то меняется. И каждое новое поколение осмысливает ее по-новому. И это очень хорошо. Ведь дать ребенку самостоятельно мыслить и действовать — это так же важно, как дать ему жить и дышать. Любая попытка заставить его идти по проторенному другим пути приведет к плачевным результатам — он вырастет человеком неинициативным, несамостоятельным. А самостоятельность только в борьбе и можно выработать.

Другое дело, что борьба в этом конфликте должна обещаться сторонами вестись по законам рыцарства, благородства. Разве что детям должно быть позволено чуть больше, чем взрослым, — ведь у них нет такого опыта, такой силы и власти. А на практике гораздо чаще бывает, что родители узурпируют права своего ребенка. Так чего же они удивляются его соответствующей ответной реакции? Очень много еще в этом отношении надо поработать и нашей школе. Вспоминаю письмо, которое прислала мне одна учительница. Посмотрев вашего «Айболита», сообщала она, школьники стали играть в разбойников. Мы запретили им это. Пра-

«ПУСТЬ МЫСЛИТ, ПУСТЬ ДЕЙСТВУЕТ!»

вильно ли мы сделали? Я ответил ей примерно так. Что такое разбойники? Это люди, которые что-то отнимают, кого-то обижают. Было ли это в действиях детей? Нет. Значит, не в разбойников вовсе играли они, а в артистов, играли в искусство. А вы своим распоряжением отобрали у них их искусство, их сказку, тем самым как раз и преподав урок разбойничьего поведения. Вот ведь как бывает...

Я хотел бы поговорить и о другом распространенном предрассудке. «У них все есть, они живут так, как нам и не снилось», — часто говорят о молодежи старшие. Я позволю себе с этим не согласиться. Понятно, что в смысле материального сравнения нет и быть не может. Помню, как прислал мне с фронта старший брат свою флотскую шинель. Я четыре года носил ее в школу, четыре года — в институт, в ней же пришел в театр. Можете себе представить, во что она за это время превратилась! Сейчас такого нет. К счастью, нет. Но не хлебом же единым жив человек!

Да, дети и подростки не испытывают сейчас холода физически, у них нет недостатка в пище. Но какой холод господствует иногда в отношениях между ними и вечно занятыми своими делами старшими членами семей, какой огромный эмоциональный голод испытывают они от недостатка внимания, ласки к ним! Кроме того, у них есть и свои собственные очень серьезные проблемы. Нет, жить им совсем не легче, скорее, даже труднее! И мы, старшие, постоянно должны иметь это в виду.

— Ролан Антонович, у ваших фильмов есть одна интересная особенность. Их с одинаковым интересом смотрят и дети, и взрослые, как говорится, информация и размышлению содержится в них для зрителей любого возраста. Почему вы обязательно стремитесь достичь такого эффекта?

— Дело в том, что я ненавижу, когда кто-то о ком-то говорит: «Он любит детей». Мне кажется, что сильнее обидеть этого человека, сильнее оскорбить детей невозможно. Этими словами детей низводят до каких-то домашних собачек, кошечек, птичек, рыбок, лишают их принадлежности к человеческому роду. А ведь они — люди! И мир детей и взрослых един. Его нельзя разделить надвое по возрастному принципу. Просто на одну и ту же вещь ребенок и взрослый смотрят по-разному. Когда малыш, как говорится, ходит под стол пешком, он смотрит на него снизу, его интересует, какие там шурупы, к чему они крепятся, в какую сторону крутятся. А становясь взрослым, он привыкает смотреть на стол сверху, и ему уже гораздо интереснее, что на стол подают. Какая из этих точек зрения более интересная?

Так же и мои фильмы. Каждый из них — это как бы две стороны одной вещи. Дети видят одну, взрослые другую. Но с высоты своего опыта они могут оценить и то, что воспринимает ребенок, вспомнить собственное детское восприятие и стать чуть больше людьми. Ведь, взрослея, люди, я считаю, остаются людьми лишь постольку, поскольку сохраняют то, что в них остается от детства.

Вел беседу О. КОСТМАН.

— Ролан Антонович, детское кино, вообще искусство для детей и педагогика — это понятие, связанные неразрывно. Однако не слишком ли упрощается иногда эта связь, когда в произведении искусства для детей стремятся во что бы то ни стало втиснуть некую особенную «педагогичность»?

— Когда в моем присутствии заходит разговор о дет-